

ПО ПУТИ ИСКАНИЙ

Па-де-де из балета «Золушка» и Третья соната Прокофьева, «Вальс и этюд» Шопена, «Любовь-волшебница» де Фалья, «Балет-симфония» Тамберга — такова программа вечера балетных миниатюр, которую театр «Эстония» показал в Москве.

Четыре из этих балетных миниатюр осуществлены воспитанницей Государственного театрального института имени Луначарского Май Мурдмаа. Четыре различные работы, но в каждой мы чувствуем: музыка для хореографа — главный и определяющий компонент поисков, компас в пути, именно в партитуре ищет она «ключ» к решению той или иной пластической задачи.

Вот, к примеру, «Балет-симфония» Эйно Тамберга. Здесь нет четко выраженного сюжета, это своеобразная новелла об одном дне жизни современной советской девушки — о ее юности, мечтах, любви, новелла о дне жизни плутовки, духовной.

Эйно Тамберг написал глубоко поэтическую светлую Прелюдию — утро, динамичное, стремительное, упругое Скерцо — день, полный глубоких психологических контрастов Ноктюрн — ночь. Май Мурдмаа внимательно слушала композитора — пластический облик ее спектакля не вступает в противоречие с музыкой. Образы, увиденные ею в партитуре, как бы нарисованы акварельными красками — так тонко, без нажима «выписаны» они балетмейстером. Это относится прежде всего к танцам Девушки и ее подруг в первой и третьей частях. Но если тема подруг в этих двух эпизодах «дается» без существенных «поправок», то характер партии Девушки резко меняется — ее танец, вначале мечтательный, детски шаловливый, лиричный, в Ноктюрне приобретает совсем иные черты — экспрессивность, динамичность, стремительность. Изменилась эмоциональная, а за ней и пластическая тональность образа — любовь преобразила героиню (правда, сложная танцевальная лексика этой роли пока еще не стала для Светланы Балоян, выступавшей в спектакле, органичной, в ее исполнении нет той свободы, той эмоциональной глубины, которая тут так необходима). И это преобразование Девушки как будто подчеркивается выходом и танцем подруг, по-прежнему ясным, умиротворенным, безмятежным. Есть отдельные удачи и в средней части, но в целом ее хореографическое решение нам представляется спорным. Для показа «суматохи явлений» трудного дня Май Мурдмаа пока еще не нашла нужных красок: захваченная импульсивным ритмом Скерцо, его динамикой, она и в свою партитуру перенесла только это — ее танцевальная речь здесь условно расплывчатая, иллюстративна.

Основу хореографической ткани балета «Любовь-волшебница» Мануэля де Фалья составляет испанский

танец. Стремление Май Мурдмаа весь спектакль «выдержать» именно в таком стиле очень интересно, и, идя по этому пути, она добивается успехов — ярко своеобразны, в частности, сцены объяснения Канделас и Кармело (она очень хорошо исполнена Юлле Улла и Эндриком Керге), танцы Канделас и Люсии (в этой партии успешно выступила Юта Лехисте) и еще некоторые. Они «составляют» красочную хореографическую сюиту, в которой сюжет — лишь мостик от одного танца к другому. Что ж, возможен в балете и такой путь... Однако и фабула, и еще более музыка несут в себе не только романтическое начало, живая, сочно написанная композитором «Любовь-волшебница» имеет и вполне определенные комедийные черты. Но спектакль, к сожалению, поставлен и исполнен «всерьез». В результате очаровательный балет-шутка приобрел не свойственную ему минимую значительность, а высветившийся синеватым светом мрачный призрак выглядит кое-где почти мистически.

В прокофьевских номерах — в па-де-де из «Золушки» и в Третьей сонате Май Мурдмаа также ищет и находит свои образные решения. Первый — поэтичный, прозрачный, романтически-мечтательный (эти краски очень тонко передала в своем танце превосходная балерина Айме Лейс, чего, к сожалению, нельзя сказать об ее партнере — Петре Андрианове, который дингался по сцене тяжело, невыразительно), второй — напористый, упругий, порывистый, особенно хорошо поставлена балетмейстером и исполнена Ларисой Склянской партия солистки, у которой «даже на остановках ощущается... истерическое волевое устремление».

Май Мурдмаа — молодой балетмейстер, но и то немного, что она показала в Москве, свидетельствует — в искусстве пришел серьезный, ищущий хореограф.

На вечере балетных миниатюр мы увидели также два отрывка из «Шопенианы» — «Вальс и этюд», осуществленные Владимиром Бурмейстером. В этих фрагментах, выдержанных в лучших традициях романтического балета, блистательно выступила выдающаяся эстонская балерина Хельми Пуур. Редко приходится видеть такую удивительную, такую совершенную гармонию музыки и танца! Артистка поразила всех присутствующих в тот день в Кремлевском театре вдохновенным (именно вдохновенным!) мастерством. Чуткими партнерами Хельми Пуур были Эндрик Керге и участницы женской группы балета.

Успеху вечера миниатюр в небольшой степени способствовало тонкое, вдумчивое мастерство дирижера — Кирилла Раудсеппа и Валло Ярви.

Г. ИНОЗЕМЦЕВА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

26 ОКТ 1968